

RUSSIANS AND FOREIGNERS IN A CROSS-CULTURAL SPACE: IDEAS AND PEOPLE

DOI 10.15826/qr.2019.2.388

УДК 37.013+37.014.523(09)+37.016:003-028.31

«ГРАММАТИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ» И МОДЕЛИ ЦЕРКОВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ 1720-х гг.*

Екатерина Кислова

Московский государственный университет,
Москва, Россия

“GRAMMAR TEACHING” AND MODELS OF CHURCH EDUCATION IN THE 1720S

Ekaterina Kislova

Moscow State University,
Moscow, Russia

In the early eighteenth century, the main model of literacy training in Russia was the universal “traditional” model based on the Alphabet Book, the Psalter, and the Book of Hours. The Petrine reforms established a new educational model for the clergy, i. e. the so-called “Latin model”. It was described in the Ecclesiastic Regulation and enjoyed state support; by the 1730s, it had become widespread in seminaries, replacing the traditional model. This paper considers grammar training, a model of education associated with Feodosy (Yanovsky), archbishop of Novgorod. This method implied teaching Old Church Slavonic through learning grammar. A Synodal decree on teaching children in episcopal schools (May 31, 1722) proposed this model as an alternative to the other two. Some documents testify to an attempt to introduce this model in the schools of Yanovsky’s diocese. The article considers materials on the certification of teachers who taught children in the capital (1722–1723) and other decrees and reports made by Feodosy: these make it possible to connect his activity with the decree of the Synod. The materials considered by the author provide information on literacy training among children of different classes. Irodion Tikhonov, who taught in the Alexan-

* *Citation:* Kislova, E. (2019). “Grammar Teaching” and Models of Church Education in the 1720s. In *Quaestio Rossica*. Vol. 7, № 2. P. 475–491. DOI 10.15826/qr.2019.2.388.

Цитирование: Kislova E. “Grammar Teaching” and Models of Church Education in the 1720s // *Quaestio Rossica*. Vol. 7. 2019. № 2. P. 475–491. DOI 10.15826/qr.2019.2.388 / Кислова Е. «Грамматическое учение» и модели церковного образования 1720-х гг. // *Quaestio Rossica*. Т. 7. 2019. № 2. С. 475–491. DOI 10.15826/qr.2019.2.388.

der Nevsky School, was a representative of the new approach and certified teachers; his reports and the teachers' notes demonstrate that the conflict between the grammar and traditional methods of learning should be considered, among other things, as a conflict of two types of spelling: the grammar method (which was necessary to teach the correct spelling used in printed Church Slavonic texts) was mechanically applied to all types of texts written in cursive writing.

Keywords: model of education; Feodosy (Yanovsky); M. Smotrisky's grammar; literacy; Old Church Slavonic; Russian language; cursive writing.

К началу XVIII в. в России была распространена внесловная «традиционная модель» обучения грамоте – обучение чтению по азбуке, Часослову и Псалтыри. Петровские реформы создали для духовенства «латинскую модель»: она была описана в «Духовном регламенте» и при поддержке государства к концу 1730-х гг. стала ориентиром для семинарий, вытеснив традиционную. В статье рассматривается появление в 1720-х гг. «грамматического учения» – еще одной модели образования, связанной с новгородским архиепископом Феодосием Яновским. Оно было ориентировано на преподавание церковнославянского языка через обучение грамматике. Эта модель предлагалась как альтернативная в указе Синода о воспитании детей в архиерейских школах (от 31 мая 1722 г.). В ряде документов прослеживается попытка ее распространения в школы подведомственной Яновскому епархии. Автор рассматривает материалы дела об аттестации учителей, обучавших детей в столице (1722–1723), а также другие указы и доношения Феодосия, которые позволяют связать его деятельность с указом Синода. Материалы также свидетельствуют о распространении обучения грамоте детей разных сословий. Иродион Тихонов, преподававший в Александро-Невской школе в рамках нового подхода, проводил аттестацию учителей, и его доношения вместе с их собственноручными подписками показывают, что конфликт грамматического и традиционного методов обучения должен рассматриваться в том числе как конфликт двух типов орфографии: грамматический метод, необходимый для обучения правильной церковнославянской орфографии, реализуемой в печатных церковнославянских текстах, механически распространялся на любой письменный текст, в том числе текст на русском языке, написанный скорописью.

Ключевые слова: модель образования; Феодосий Яновский; грамматика М. Смотрицкого; грамотность; церковнославянский язык; русский язык; скоропись.

Исследование посвящено реконструкции контекста, в котором возникла возможность для появления одной из альтернативных моделей образования детей духовенства и попытки ее распространения за пределы духовного сословия. Эта модель фигурирует в документах под названием «грамматическое учение» и связывается с деятельностью Феодосия Яновского, одного из сподвижников Петра I. В ряде архивных документов раскрывается специфика этой модели по отно-

шению к уже существовавшим «традиционной» и «латинской» моделям духовного образования и объясняется ее исчезновение после падения Феодосия Яновского.

Модели образования духовенства в петровских указах

До Петровских реформ профессиональная подготовка детей духовенства была обязанностью их отцов: обучение чтению шло по азбуке, Часослову и Псалтыри. Из-за близости русскому и относительной понятности церковнославянского оно не требовало опоры на грамматику, поэтому под названием грамматик часто распространялись графико-орфографические описания – правила употребления тех или иных букв, чтения сокращенных слов и т. д. [Кузьминова, с. 43–45]. Такие школы были внесловными, и единственное, что отличало духовенство, – большая обязательность обучения навыкам чтения и письма.

На территории Украины и Белоруссии, находившихся в составе Речи Посполитой, с XVII в. распространялись внесловные учебные заведения, созданные по модели западноевропейских коллегиумов. В качестве языка обучения в них широко использовалась латынь; церковнославянский преподавался по европейской системе с опорой на грамматику [Кузьминова, с. 10–12]. Эта «латинская» модель уже в 1730-х гг. стала образцом для великорусских семинарий, однако в них обучение грамматике церковнославянского было существенно сокращено [Kislova, p. 202–203].

Указы Петра I 1708–1710 гг. предписывали детям духовенства в обязательном порядке обучаться в «школах греческой и латинских», однако «регулярное образование» среди духовенства распространилось после появления «Духовного регламента». В нем описано две модели обучения, обе – находящиеся в ведении церкви. Первая – в разделе «О епископах» (§ 9): им предписывается иметь школы «для детей священнических, или и прочих, в надежду священства определенных» [ПСПр, т. 1, с. 10], в которых учить «не только чисто, ясно и точно по книгам честь... но... честь и разуметь» [Там же]. Наизусть предлагается заучивать две книжицы – о догматах веры и о должностях всяких чинов, «когда таковые книжицы изданы будут» [Там же]. Этого было достаточно, чтобы можно было получить сан священника, стать архимандритом и игуменом. Вероятно, эта модель обучения мыслилась Феофаном как «низшая», начальная [Верховской, с. 41].

Вторая модель образования описывается в разделе «Домы училищныя...», где даются «регулы» гипотетических академии и семинарий, целиком ориентированных на латынь (греческий только декларируется):

Не надобе исперва многих учителей, но первый год довольно единого или двоих, которые бы учили Грамматике, си есть, язык правильно знать латинский, или греческий, или оба языка [ПСПр, т. 1, с. 15, 17].

Даже обучение грамматике, с которой должен начинаться «чин учения», применяется здесь к латыни (или греческому), а русский язык в этих фрагментах фигурирует только как язык перевода¹:

...желая ведать, искусен ли в языке латинском, велеть ему сложение руское перевести на латинское, також латинское слово некоего славнаго в языке том автора, перевести на руское [ПСПр, т. 1, с. 17].

«Чистота» латинского языка становится важным фактором выбора пособия по истории или географии, которые предлагалось изучать вместе с грамматикой [Там же, с. 19].

И семинарии, и академия в «Духовном регламенте» выглядят внесловными учебными заведениями, в которых могут учиться дети духовенства и выпускники которых могут (но не обязаны) выбирать духовную карьеру. Отдельно отмечено, что выпускников можно будет определять «на разныя дела» [Там же, с. 20], причем они будут иметь приоритет «на степени духовной или гражданской чести» перед неучеными [Там же, с. 19]. Такая модель была уже реализована в рамках Киевской и Московской Славяно-греко-латинской академий – внесловных и ориентированных на обучение латыни.

Требование § 9 создавать обязательные школы для детей духовенства и «прочиих, в надежду священства определенных», соответствовало правилу, зафиксированному в «Стоглаве» 1551 г.: создавать «школы» для обучения всех детей грамоте и ставить в священники только грамотных [Стоглав, с. 91–94]. Новшеством было требование учить не только читать (что делалось в рамках традиционной модели), но и «разуметь», то есть точно понимать церковнославянский текст. Задачей этих учебных заведений было воспитание только будущих церковно- и священнослужителей.

31 мая 1722 г. появился пространный указ Синода, посвященный воспитанию детей духовного звания в архиерейских школах². Его текст показывает, что описанные в «Духовном регламенте» семинарии и академия мыслились как образец для тех самых архиерейских школ, которые должны были стать обязательными для детей духовенства:

¹ О соотношении русского и латыни в семинарском образовании XVIII в. см.: [Kislova, 2018].

² До этого указа Синод издавал отдельные предписания, касавшие частных вопросов духовного образования (например, регулирования обучения в Славяно-греко-латинской академии). Повторяющимися были указания на необходимость обучения детей духовенства не в цифирных, а в архиерейских школах (12 июня 1721 г., 19 ноября 1721 г., 18 мая 1722 г.), а также требования использования для обучения ставленников «новонапечатанных букварей» – «Первого учения отрокам» (23 февраля 1722 г., 30 апреля 1722 г., «Прибавление к Духовному регламенту» [б. д.] мая 1722 г.). Сама модель образования наиболее полно и подробно после «Духовного регламента» была представлена только в указе 31 мая 1722 г.

И Духовным регламентом таковых, которые в Архиерейских школах учены не будут, во священнической чин поставлять Епископам жестоко запрещено; и как такая школы содержать, и чему оных учить, довольно во оном Регламенте показано. А понеже совершеннейших учений Богословскаго и Философскаго, також и нужнейших языков искусства, еще за скудостью довольных к сему учителей, преподавать невозможно: того ради учить ныне в Архиерейских школах помянутых церковнических детей, в надежду священства определенных, по... первого отроков учения книжицам, букварями именуемым... и в том учении поступать, как в предисловии тех книжиц изображено, и во второй Духовного регламента части, между делами до епископов надлежащими, под числом 9 изъяснено [ПСЗ, т. 6, с. 697].

После «Первого учения отрокам» должны были изучаться «Славянская грамматика» Федора Поликарпова, арифметика и геометрия [Там же, с. 698]. Отдельно подчеркивается важность «грамматического учения»:

И как уже тех букварей совершенно они изучатся и писать понавыкнут, тогда начинать им во обучение Славянскую грамматику, как уже в Новгородской Епархии такое в школах и букварное тверждение и грамматическое учение, не точию при Архиерейском доме в Великом Новгороде, но и в прочих городах и уездах действительно является. А к тому грамматическому учению, коемуждо Архиерею, ученых людей получать, откуда кто возможет, и о том грамматическом учении всеприлежное иметь тщание, дабы тое во общую пользу везде размножилось; а понеже оным неизлишнее будет по грамматическому обучению обучится и арифметики... [Там же, с. 698].

Обратим также внимание на требования к учителям:

И к тому учению во оныя школы, коемуждо Архиерею при своем доме определить умных и честных учителей, которые в книжном чтении были б остры и разумны, и правоглаголение добре произносить, и ударение просодии и препинание строчное безпогрешно соблюдать знали, и других научить были довольны, и могли бы оных учить не только чисто, ясно и точно по книгам читать, но и разуметь... [Там же].

В указе 1722 г. объединяются два типа школ «Духовного регламента»: сословным архиерейским школам приписывается в качестве образца семинарско-академическая модель, но за невозможностью осуществить массовое обучение духовенства в ее рамках (чего «Духовный регламент» и не требовал) предлагается развивать преподавание церковнославянского, а не латыни, но с ориентацией на грамматику.

Образцом становятся уже существующие школы Новгородского Архиерейского дома и Новгородской епархии. Архиепископом Новгородским в это время был Феодосий Яновский, вице-президент Синода. С его деятельностью связан ряд проектов, имеющих отношение к организации школ и образованию, которые показывают, что представляло собой «грамматическое учение» применительно к школам 1720-х гг.

Деятельность Феодосия Яновского в 1720-е гг.

Феодосий (Федор Михайлович) Яновский происходил из польской или смоленской шляхты; учился либо в Киевской, либо в Славяно-греко-латинской академии в Москве (последнее менее вероятно) [Морошкин, 1887а, с. 3–5]. Он имел обширную библиотеку с коллекцией книг на латыни, хотя есть сомнения в том, знал ли он этот язык (см. [Морошкин, 1887а, с. 18–19; Луппов, с. 252–257]). Иов Новгородский сделал его архимандритом Хутынского монастыря [Морошкин, 1887а, с. 5]. С 1708 г. Феодосий вошел в круг Петра, в 1712 г. стал настоятелем Александро-Невского монастыря в Санкт-Петербурге и фактически администратором всей церковной епархии, связанной с новой столицей [Там же, с. 13]. В начале 1721 г. он стал Новгородским архиепископом и – вместе с Феофаном Пропоковичем – вице-президентом Синода [Морошкин, 1887б, с. 274–275]. Биографы Феодосия сообщают, что заносчивым нравом он нажил себе множество врагов; весной 1725 г. Феодосий по доносу Феофана Прокоповича был подвергнут суду и сослан в Корельский монастырь, где и умер в 1726 г. [Чистович, с. 150–154, 159–168].

Феодосий по поручению Петра создал школу при Александро-Невском монастыре: в его указе от 11 июля 1721 г. говорилось об организации «для обучения юных детей чтению и писанию, словенской школы, в которой... учить словенскаго чтения и писания по новопечатным букварям» (то есть по книге «Первое учение отрока» – Е. К.; цит. по: [Морошкин, 1887б, с. 285]). Другой его указ говорит об уборке помещения «для содержания... в учении словено-российской грамматики школьников» [Там же]. Очевидно, для Феодосия обучение грамматике было равно обучению в целом, и хотя эта позиция не соответствует уже созданному «Духовному регламенту», зато предвзвешивает формулировки «майского» указа Синода 1722 г., что позволяет предположить активное участие Феодосия в его подготовке. Документы, которые мы рассмотрим далее, показывают, каким образом идеи указа 1722 г. внедрились в жизнь.

Аттестация учителей в Санкт-Петербурге (1722–1723)

22 августа 1722 г. по представлению Феодосия Яновского иеромонах Феофил объявил в Синоде о необходимости провести аттестацию учителей «духовного и мирского чина», обучающих детей

«славенской грамоте» в Санкт-Петербурге. Ее необходимость в документе объясняется тем, что «славенская грамота» требует «от учащаго весьма правильно грамматичного от фундамента ко чтению и писма научением вкоренения», но неизвестно, все ли учителя «в силе такового находятся искусства». Провести аттестацию должен был учитель Александро-Невской школы Иродион Тихонов, который также должен был выдать учителям, признанным достойными, собственноручную инструкцию «к правилному грамматичному научению в школах и домах» [РГИА. Ф. 796. Оп. 3. Д. 926. Л. 3–3 об.]³. Вероятно, созданная по новой «грамматической» модели школа Александро-Невского монастыря конкурировала с учебными заведениями и учителями, обучающими в рамках «традиционного метода».

И хотя далеко не все учителя согласились пройти аттестацию, полученные данные вполне показательны. В каждом из девяти приходов, откуда поступили сведения⁴, обучением детей занималось от одного (приход церкви Воскресения Христова на Васильевском острове) до шести учителей (приход собора Исаакия Далматского) духовного и мирского звания. Они обучали детей «по домам» родителей или у себя «на квартирах».

Из приходов поступили также сведения о «русских школах», создававшихся в Петербурге по указу Петра 1717 г. [Буров, с. 9–14]. Так, безместный дьякон церкви Исаакия Далматского Иван Федоров (Прошкин) учил детей в «государевой академической школе» – в «русской школе» при Морской академии; дьячок церкви Великомученика Пантелеймона Иоанн Симеонов обучал детей в школе «при шлюпочном дворе» («русской школе» при петербургской Партикулярной верфи [Буров, с. 44–45]); «гошпитальный дьячок» Иван Гарасимов учил детей при Адмиралтейском гошпитале. Такая школа могла располагаться и при церкви: «школа для детей ведомства городской канцелярии» называлась в тех же документах «школой при церкви Самсона Странноприимца». Учителя ведомственных школ, будучи лицами духовного сословия, оказывались здесь в двойном подчинении, что давало им возможность считать себя вне сферы действия указов Синода.

«Мирские учителя» не были обязаны подчиняться Синоду, о чем сообщали приходские священники:

...онные светские нам не подчинены, того ради ко объявлению их в Святейшем правительствующем синоде представить их власть не имеем, а чтоб сами явились, о том им сказали [РГИА. Ф. 796. Оп. 3. Д. 926. Л. 11]⁵.

³ Материалы этого дела пересказаны и выборочно процитированы в [Описание, с. 172–177]. Этот пересказ упускает некоторые важные для нас детали, поэтому далее материалы будут цитироваться по архивному делу.

⁴ В Санкт-Петербурге в 1723 г. официально насчитывалось 11 городских храмов (не считая временных и домовых церквей и храмов отдаленных окраин города; реальная цифра – около 30, см.: [Агеева, с. 289]).

⁵ Далее указываем номера листов этого дела в круглых скобках.

В деле упоминаются шесть светских учителей: кузнец Петр Иоаннов (учил в Пушкарской слободе Литейного двора), солдат Петр Матфеев (учил в городской крепости по приказу полковника Бахметева), писарь Белозерского полка третьей роты Иоанн Иоаннов, дворовый человек дворянина Андрея Корсакова Иоанн Семенов, крепостной Михайло Осипов, который «за волю госпоцкую» учил внуков тайного советника Петра Андреевича Толстого «славенской г[ра]моте... а писать не учил». Из них только Михайло Осипов явился в Синод после объявления в сыск в феврале 1723 г. (л. 6); остальные поименно перечислены в финальном доношении Тихонова 27 ноября 1723 г. (л. 21–22), и никаких сведений об их аттестации в деле нет. Учителя «из духовных» тоже продолжали учить «без... синода указу и инструкции». К концу 1723 г. Тихонову удалось проэкзаменовать всего 12 учителей, так или иначе связанных с духовенством (пономарей и дьячков, в том числе безместных и бывших⁶, детей духовенства без определенных занятий, певчих, псаломщиков и т. д.).

Дети самых разных социальных групп обучались примерно одинаково. Начальное образование этого типа получали даже дети дворянина Корсакова и внуки тайного советника Петра Андреевича Толстого. И хотя о содержании обучения данных почти нет, не вызывает сомнения, что все описанные учителя действовали в рамках «традиционной» модели обучения церковнославянскому: на это указывают и упоминание «словенской грамоты», и возможность обучения исключительно чтению, а не письму.

Экзамен Иродиона Тихонова и его результаты

Иродион Тихонов провел оценку явившихся учителей «от самого фундамента, то есть от начала азбуки до писма, во чтении и писании» и 16 февраля, 27 апреля и 8 июня 1723 г. доносил Синоду о результатах.

В азбуке Тихонов проверял, насколько «писмена, слоги, речения, и просодии, произношении правилно употребляют» (то есть учитель должен был знать названия букв, правильным образом прочитывать составленные из них слоги и слова, правильно ставить ударения и понимать разные типы надстрочных знаков). Такой порядок был характерен для печатных азбук XVII в. и заимствован оттуда в «Первое учение отрокам» (л. а–s об., з об.). Следующей ступенью было знание «грамматики и правописания»: очевидно, речь шла о знании частей речи и умении правильно распределить дублетные буквы в зависимости от формы слова⁷.

⁶ Подобная деятельность была обычной для безместных церковных служителей в Санкт-Петербурге и фиксируется переписью 1718 г. [Кошелева, с. 299].

⁷ Ср. «Правила орфографии» в [Грамматика, с. 59–67]. Такое же разделение мы видим в деле «О бытии в Св. Синоде к правописанию правописца и о учении синодальных служителей грамматике» (1723) [РГИА. Ф. 796. Оп. 4. Д. 402]: по предложению Феодосия Яновского канцелярских служителей планировалось обучить грамматике, а «непонятных» или имеющих отягощение в делах – только орфографии (л. 7–7 об.).

Шестеро проэкзаменованных учителей умели читать, но, с точки зрения Тихонова, неправильно или «весьма неправильно»⁸, правильно умели читать четверо⁹. «Грамматики и правописания» не знал ни один учитель. Только Афанасий Кириллов (живший в Санкт-Петербурге с 1714 г. «безместный бывшего новгородского архиерея певчей» или подьячий (л. 14), обучавший детей в приходе Самсона Странноприимца) и Авраамий Симеонов Городевский (псаломщик церкви Воскресения Христова, живший на Васильевском острове с 1719 г. (л. 5 об., 14)) «правописание познавали». Этим двоим было разрешено «взять инструкции у Иродиона Тихонова» – скопировать рукописную грамматику, которой тот владел, и далее обучать по ней. Скорее всего, это была какая-то версия грамматики М. Смотрицкого (М., 1648 г.), «Славенская грамматика» Федора Поликарпова (1721) или их рукописная переработка¹⁰. Однако до конца сентября 1723 г. Тихонов так и не дал свою грамматику для копирования (л. 20).

Остальные учителя, по мнению Тихонова, «учеников учат славенскаго чтения, псалмов, и молитв и писания, ничтоже грамматическаго разума и правописания сами знающие». 15 марта Синод постановил учителям, которые не знали грамматики, «от грамматическаго художества... отказать... чтоб никого впредь без указа не учили» (л. 170), о чем были взяты подписки¹¹. Им было предписано учиться самим и впредь учить детей, начиная с азбуки,

...в которой смотреть, дабы всяк первее познал естество писмен и потом свойство писмен, таже и слоги, впускать по слогам же в речения¹². По азбуце же начинать следующее: Молитву господню, Отче

⁸ Пономарь церкви Исаакия Далматского Иоанн Авраамов; той же церкви бывший пономарь Василий Иоаннов (Кроглинцов); дьячок Адмиралтейского госпиталя Иоанн Герасимов; дьячок церкви Симеона Богоприимца Симеон Автономов; бывший дьячок церкви Преображения Господня Лаврентий Константинов, замещавший умершего учителя ученик школы при церкви Самсона Странноприимца Антон Емельянов.

⁹ Учитель школы при Морской академии диакон Иоанн Федоров (Прошкин); дьячок церкви Исаакия Далматского Симеон Гаврилов; сын пономаря церкви Святого Апостола Матфея Стефан Гаврилов; церковный староста Троицкого собора Афанасий Артемьев.

¹⁰ В это время в Новгородской греко-славянской школе Федор Максимов создает свою версию грамматики Смотрицкого, которая была напечатана в Санкт-Петербурге в типографии Александро-Невского монастыря как раз в 1723 г., поэтому теоретически это могли быть какие-то рукописные материалы Максимова, хотя модель его грамматики отличается (так, в орфографии не рассматривается «просодия», то есть учение о правильном ударении [Кузьмина, с. 319]).

¹¹ Некоторые учителя, объявленные в Синод, давали такие подписки еще до аттестации: так, дьячок церкви Успения Пресвятой Богородицы Матфей Артемьев сразу сообщил, что учил детей Стефана Ветлицкого, у которого нанимал квартиру, но «ныне учить не будет» (л. 6).

¹² Ср.: «Что есть орфография; Есть часть грамматики первая, естество писмен, свойство их, слог, речение и слово со припетием и препинанием знати учащая» [Грамматика, с. 54].

наш; Помилуй мя боже; Символ веры; Целование пресвятей богородице; и Десятословие с толкованием *по новопечатным перваго отроков учения книжицам* недавно в Невской типографии напечатанным, как в предисловии тех книжиц изображено... а потом учить псалмы и молитвы: понеже когда отрок помянутый букварь изустно и правильно выучит, то может нетрудно и в скором времени псалмы и молитвы изучить (л. 21 об.).

Таким образом, обучение чтению Тихонова соотносит с порядком материала из грамматики Смотрицкого, а содержание текстов для чтения – с «Первым учением отрокам» Феофана Прокоповича и майским указом Синода.

Учителя ведомственных школ, даже будучи духовными лицами, игнорировали либо аттестацию в целом, либо запрет Иродиона, не давали никаких подписок и продолжали учить детей без «грамматического искусства»: учитель ведомственной «русской» школы дьячок Иоанн Симеонов, с ноября 1722 г. обучавший детей в школе при петербургской Партикулярной верфи (л. 21 об. –22), так и не явился на аттестацию; безместный дьякон Иван Федоров Прошкин, обучавший детей в «русской школе» при Морской академии [Буров, с. 39], явился на аттестацию только после того, как был объявлен в сыск в начале февраля 1723 г.¹³ С точки зрения Тихонова, Прошкин умел правильно читать, но не знал грамматики и правописания. Он отказался давать подписку о прекращении учительской деятельности, «отговариваясь особливим к тому учителству определением» (л. 21). Действительно, «Иван Федоров сын Прошкин» был назначен учителем русской грамоты указом Адмиралтейской коллегии еще в начале 1719 г. [Буров, с. 38]. Судя по отчетам Академической конторы, Прошкин продолжал обучать школьников и в январе 1724 г. [Там же, с. 39], то есть доношения Тихонова в Синод не имели результата.

Таким образом, столкновение «грамматического учения» с «традиционной моделью» в целом ни к чему не привело: грамматический метод преподавания продолжал внедряться в Александро-Невской школе, а традиционный продолжал существовать параллельно, потому что учителя и ученики игнорировали запреты Тихонова, у которого не было рычагов воздействия, кроме доношений в Синод. Традиционная модель была распространенной, удобной и пользовалась спросом населения; даже несмотря на поддержку Синода, грамматическая модель не могла ей противостоять.

¹³ Правда, сам Прошкин утверждал, что встречался с Тихоновым еще 5 ноября, но «от него Иродиона инструкцию не получил», был объявлен в сыск 7 февраля 1723 г. и повторно явился на аттестацию 11 февраля 1723 г. У А. Букова ошибочно указано, что Прошкин на аттестацию явиться отказался [Буров, с. 38].

Попытка распространения «грамматического учения»

Хотя некоторый подъем интереса к преподаванию грамматики в это время наблюдается и в Москве¹⁴, основным ядром распространения «грамматического учения» становятся Новгород и Санкт-Петербург. 19 августа 1723 г. Феодосий Яновский предпринял попытки законодательно запретить традиционное преподавание. Его позиция пространно сформулирована в доношении Синоду «...о учении в школах обретающихся в Новгородской епархии грамматики всякаго чина людей» [РГИА. Ф. 796. Оп. 4. Д. 440].

Апеллируя к «Духовному регламенту», Феодосий Яновский предлагал запретить обучение детей в рамках традиционной модели, подчеркивая необходимость знания грамматики церковнославянского языка для правильного чтения и понимания основных текстов, которые представители духовенства должны были знать наизусть и которым необходимо было обучать детей: это Деятели Господня, «Символ веры» и 10 блаженств (что совпадает с составом текстов в «Первом учении отрокам»). Феодосий жалуется, что запрет обучать детей «невеждам» он смог распространить в своей епархии только на духовенство: в партикулярных школах епархии, которых было заведено около 15 [Прилежаев, с. 352], к 1723 г. обучалось, по словам Феодосия, более 500 детей из духовенства, а представителей других сословий – «едва с тридцать человек» (л. 1 об.). Однако это происходило не потому, что светские лица не желали обучать детей. Наоборот, Феодосий подчеркивал, что «шляхетству и приказным и купецким людям без знания писмен состоятся отнюд невозможно есть», поэтому они продолжали обучать детей по традиции.

Доношение Феодосия показывает, что даже в Новгородской епархии «грамматичное учение» существовало только в созданных им школах для детей духовенства. Однако, несмотря на декларируемую грамматическую модель, обучение в них шло либо по «Первому учению отрокам» Феофана Прокоповича и потом по Часослову и Псалтыри, либо в обратном порядке – азбука, Часослов, Псалтырь, «Первое учение отрокам» [Прилежаев, с. 352–356]. Собственно грамматика преподавалась только в трех партикулярных школах (Каргопольской, Новоторжской и Великолуцкой) и в архиерейской школе в Новгороде, где был единственный печатный экземпляр грамматики Смотрицкого [Прилежаев, с. 362]. Необходимость доступных пособий привела к созданию в Новгородской епархии переработки грамматики Смотрицкого для нужд школьного учения – более краткой

¹⁴ В начале января 1723 г. Федор Поликарпов подал в Синод доношение, в котором предложил себя в качестве преподавателя грамматики славянского языка: «а училища на сию особую науку нигде не обретаются, кроме школ греческих и латинских, малым чем славенской способствующих, ибо всякому языку своя грамматика учительница...» [ПСРП, т. 3, с. 17]. Синод постановил организовать такие классы в Спаском монастыре для «славенских чтения учеников и подобных им, которые учиться пожелают и грамматическому учению явятся удобны» [Там же, с. 18].

и простой грамматики Федора Максимова. Как раз в августе 1723 г. Синод одобрил ее публикацию в типографии Александро-Невского монастыря [Кузьминова, с. 271–272; ПСПР, т. 2, с. 140].

Синод, вняв пожеланиям Феодосия, предложил Сенату учредить указ о запрещении обучать детей «невеждам», однако Сенат ответил пространным рассуждением об учреждении цифирных и о сложном правовом статусе архиерейских школ; детям светских чинов в Новгородской епархии было разрешено учиться у архиерейских учителей, и в октябре 1723 г. было дано распоряжение об объединении новгородских цифирной и архиерейской школ, которое так и не состоялось [Прилежаев, с. 357–358].

В это же время была сделана попытка создать на базе Новгородской архиерейской школы «педагогический центр»: в ноябре 1723 г. – январе 1726 г. там обучались присланные из епархий ученики, которые должны были затем организовывать правильное «грамматическое учение» в своих епархиальных школах [Там же, с. 366–367]. В декабре 1725 г. Феофан Прокопович оценил этот проект как бессмысленный: он указал в отчете, что грамматисты

...не имеют никакого плода в том учении, но туне токмо время провождают и домовую пищу тратят, и впредь в том учении к пользе надеяния иметь не можно [Знаменский, с. 132].

Ученики были распущены, идея преподавания грамматики церковнославянского языка оставлена.

Проблема оценки учителей: грамотность или невежество?

На основании строгой оценки Иродиона Тихонова А. А. Буров и другие исследователи делают вывод о том, что «уровень общеобразовательной подготовки столичных учителей русской грамоты, не говоря уже о их педагогическом мастерстве, был весьма низок» [Буров, с. 38]. Действительно, учителя, которые «неправильно» или «весьма неправильно» читают, а «грамматики и правописания не знают», могут быть оценены только как неграмотные. Именно как «невежд» оценивали их Феодосий и члены Синода, получившие образование на Украине.

Однако в деле сохранились собственноручные подписки проэкзаменованных учителей, состоящие из нескольких строк вариативного текста (л. 6, ил. 1). Они показывают, что все учителя относительно неплохо владеют навыком скорописного письма: их орфография вариативна, однако серьезных орфографических ошибок против скорописного стандарта допущено относительно немного даже у тех, кто явно пишет не очень уверенно (например, дворовый человек Михаил Осипов).

Орфография рукописных текстов самого Иродиона Тихонова (л. 14, ил. 2) намного более стандартизирована, а употребление

По имени Иродиона Тихонова 15 / Записки в РИИ 21.
 14.

Списишемъ Прочиттеесттвующее Слово.

Доншение.

Дружина 722 Июл, Сентяря 25, г.е. на имя Его Императорскаго
 Величества, и по повелению Священного Правительствующаго Синода събранныхъ
 в Синодальныя Члены, Невно ив Императорскому въручавшихъ при Санктъ
 Петербурѣ Писателей и Писателей Славянскаго языка, Ученыхъ людей
 до Трагическоу и Разговора Оныхъ Актъ Ученъ, и Сочинения и Знающа Трагиче-
 скихъ, и до священствъ Устроениямъ Словамъ ив и Писаниямъ, а вѣдъ и
 тѣхъ Оныхъ Его Императорскаго Величества Ученъ и Писателя Словеса,
 и по Ономъ Ученъ и Писателямъ Оныхъ Ученъ, а Самому Фундаменту,
 тѣхъ Бити а Словамъ Ученъ, до Писанъ, во Дѣлѣ и Писанѣ Пробавя. А по повелѣ-
 Оныхъ Иродиона, и Трагическому Разговору не тесна правило Ученъ М. Г. Г.
 Разговору въручавъ Ученъ Разговору, а по повелѣнию Г. Г. Г.

Составилъ шибилъ Діаконъ Іоаннъ Федоровъ, Это и Очеркъ.

Ирше Іоаннъ Димитриевъ, Дедленъ Семеновъ Тихоноу.

Въ Очеркъ: Писмена, Слова, реченія, и Просодія, въ Формуленіи Правилно Устроивающа,
 Трагическія и Трагическія не знающа.

Ирше Восресенія Ученъ, Спасающаго Острова Ученъ ив Очеркъ Семеновъ.

Писана Самуила Странноприимца, Непорочною архіерея Вышней Подяны
 и Фанасія Керілоу.

Въ Очеркъ: Писмена, Слова, реченія, и Просодія, въ Формуленіи Правилно Устроивающа,
 и трагическія не знающа, Трагическія не знающа.

В. Н. 158

Доношение Иродиона Тихонова // РГИА. Ф. 796. Оп. 3. Д. 926. Л. 14
 Report of Irodion Tikhonov // RGIA. Stock 796. List 3. Dos. 926. Fol. 14

дублетных букв в целом приближено к нормам печатных церковнославянских текстов. Разумеется, с позиции «грамматиста» широкая скорописная вариативность могла быть квалифицирована только как неграмотность: в такой скорописи не было жестких правил постановки надстрочных знаков и не было обязательным правило антистиха, требующее понимания грамматической формы слова для выбора между дублетными буквами [Кузьминова, с. 12–19], не было самой идеи графико-орфографического единообразия, она не требовала «грамматичного... вкоренения», и именно поэтому такой тип письма был повсеместно распространен.

Таким образом, оценка учителей, обучающих детей грамоте в рамках традиционного метода и пишущих вариативной скорописью, проводилась учителем нового типа, выпускником Новгородских школ Иродионом Тихоновым. Его доклады об аттестации учителей вместе с их собственноручными подписками показывают, что конфликт грамматического и традиционного методов обучения может рассматриваться в том числе как противостояние двух типов письма и вместе с тем двух языков: грамматический метод, необходимый для обучения правильной церковнославянской орфографии, реализуемой в печатных церковнославянских текстах, становился эталоном для любого письменного текста, в том числе для скорописного текста на русском языке. Однако сложность церковнославянской орфографии оправдывала себя для священных текстов¹⁵ – и оказывалась избыточной для русского языка, в котором вариативная скоропись употреблялась почти до конца XVIII в. Кроме того, уже больше десяти лет существовал гражданский шрифт без надстрочных знаков и ряда дублетных букв, им печатались светские книги на русском языке. В этих условиях «грамматическое учение» как модель базового образования, ориентированного на массы, выглядит явным анахронизмом.

Можно предположить, что за деятельностью Феодосия Яновского и его круга стояла попытка создания альтернативы той модели духовного образования, за которой стоял Феофан Прокопович. После низложения Феодосия в 1725 г. «грамматическое учение» больше не упоминается в документах, «латинская модель» становится единственным образцом для создания учебных заведений для духовенства. Традиционная модель фактически включается в духовное образование в качестве первой ступени (причем задача начального обучения детей возлагалась на их отцов и, следовательно, не требовала государственного финансирования). Далее следовало обучение в семинариях по латинской модели «Духовного регламента». Изучение грамматики церковнославянского языка стало узкоспециальным знанием, важным для

¹⁵ Именно делами, связанными с благочестием, в июле 1723 г. была обоснована необходимость присылки в Синод знающих грамматику и орфографию служителей из Новгородской школы и Московской типографии: «Понеже в Святейшем Правительствующем Синоде повсемременно бывают самые нужнейшия и ко исправлению благочестия потребныя дела, которые в письме употребления орфографии знающим грамматическое художество ведомо требуют...» [РГИА. Ф. 796. Оп. 4. Д. 402. Л. 1].

работников московской типографии или старообрядцев [Кузьминова, с. 274–276]. Из семинарий преподавание грамматики церковнославянского языка практически ушло до начала XIX в.

Список литературы

- Агеева О. Г. «Величайший и славнейший более всех градов в свете...»: Град святого Петра. СПб. : Блиц, 1999. 344 с.
- Буров А. А. Петербургские «русские» школы и распространение грамотности среди рабочих в первой половине XVIII века. Л. : [Б. и.], 1957. 86 с.
- Верховской П. В. Учреждение Духовной коллегии и Духовный регламент : К вопросу об отношении Церкви и государства в России : в 2 т. Ростов н/Д : Тип. М. И. Гузмана, 1916. Т. 2. Материалы. 104 с.
- Кошелева О. Е. Люди Санкт-Петербургского острова Петровского времени. М. : ОГИ, 2004. 488 с.
- Кузьминова Е. А. Развитие грамматической мысли России XVI–XVIII вв. М. : Макс Пресс, 2012. 470 с.
- Луппов С. П. Книга в России в первой четверти XVIII века. Л. : Наука, 1973. 374 с.
- Морошкин И. Я. Феодосий Яновский, архиепископ Новгородский : ист.-биограф. очерк // Рус. старина. 1887а. Т. 55. Кн. 7–9. С. 1–34.
- Морошкин И. Я. Феодосий Яновский, архиепископ Новгородский: ист.-биограф. очерк // Рус. старина. 1887б. Т. 56. Кн. 9–12. С. 31–44, 273–296.
- Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода: в 50 т. СПб. : Синод. тип., 1878. Т. 2. Ч. 2 (1722 г.). 439 с.
- Прилежаев Е. М. Новгородские епархиальные школы в Петровскую эпоху // Христианское чтение. 1877. № 3–4. С. 331–370.
- ПСЗ. Т. 6. 1720–1722.
- ПСПр. Т. 1. 1721. Т. 2. 1722. Т. 3. 1723.
- РГИА. Ф. 796. Оп. 3. Д. 926; Оп. 4. Д. 402, 440.
- Стоглав / изд. Д. Е. Кожанчикова. СПб. : Тип. Императ. акад. наук, 1863. 438 с.
- Чистович И. Феодан Прокопович и его время. СПб. : Тип. Императ. акад. наук, 1868. 752 с.
- Kislova E. Latin as the Language of the Orthodox Clergy in Eighteenth-century Russia // Language Choice in Enlightenment Europe: Education, Sociability, and Governance / ed. by V. Rjéoutski, W. Frijhoff. Amsterdam : Amsterdam Univ. Press, 2018. 191–224.

References

- Ageeva, O. G. (1999). “*Velichaishii i slavneishii bolee vsekh gradov v svete...*”: *Grad svyatogo Petra* [“The Greatest and the Most Honourable City of All...”: St Peter’s City]. St Petersburg, Blits. 344 p.
- Burov, A. A. (1957). *Peterburgskie “russkie” shkoly i rasprostranenie gramotnosti sredi rabochikh v pervoi polovine XVIII veka* [Russian Schools in St Petersburg and the Spread of Literacy among Workers in the First Half of the 18th Century]. Leningrad, S. n. 86 p.
- Chistovich, I. (1868). *Feofan Prokopovich i ego vremya* [Feofan Prokopovich and His Time]. St Petersburg, Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk. 752 p.
- Kislova, E. (2018). Latin as the Language of the Orthodox Clergy in Eighteenth-Century Russia. In Rjéoutski, V., Frijhoff, W. (Eds.). *Language Choice in Enlightenment Europe. Education, Sociability, and Governance*. Amsterdam, Amsterdam Univ. Press, pp. 191–224.
- Kosheleva, O. E. (2004). *Lyudi Sankt-Peterburgskogo ostrova Petrovskogo vremeni* [People of St Petersburg Island in Peter’s Time]. Moscow, Ob’edinennoe gumanitarnoe izdatel’stvo. 488 p.
- Kozhanchikov, D. E. (Ed.). (1863). *Stoglav* [The Book of One Hundred Chapters]. St Petersburg, Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk. 438 p.

Kuz'minova, E. A. (2012). *Razvitie grammaticheskoi mysli Rossii XVI–XVIII vv.* [The Evolution of Grammar Theory in Russia in the 16th-18th Centuries]. Moscow, Maks Press. 470 p.

Luppov, S. P. (1973). *Kniga v Rossii v pervoi chetverti XVIII veka* [Books in Russia in the First Quarter of the 18th Century]. Leningrad, Nauka. 374 p.

Moroshkin, I. Ya. (1887a). Feodosii Yanovskii, arkhiepiskop Novgorodskii. Istoriko-biograficheskii ocherk [Feodosy Yanovsky, Archbishop of Novgorod. A Historical and Biographical Essay]. In *Russkaya starina*. Vol. 55. Book 7–9, pp. 1–34.

Moroshkin, I. Ya. (1887b). Feodosii Yanovskii, arkhiepiskop Novgorodskii. Istoriko-biograficheskii ocherk [Feodosy Yanovsky, Archbishop of Novgorod. A Historical and Biographical Essay]. In *Russkaya starina*. Vol. 56. Book 9–12, pp. 31–44, 273–296.

Opisanie dokumentov i del, khranyashchikhsya v arkhive Syvateishhego Pravitel'stviuyushchego Sinoda v 50 t. [Description of Documents and Cases of the Holy Governing Synod. 50 Vols.]. (1878). St Petersburg, Sinodal'naya tipografiya. Vol. 2. Part 2 (1722 g.). 439 p.

Prilezhaev, E. M. (1877). Novgorodskie eparkhial'nye shkoly v Petrovskuyu epokhu [Diocesan Schools in Novgorod in Peter's Epoch]. In *Khristianskoe chtenie*. No. 3–4, pp. 331–370.

PSPR [Complete Collection of Acts and Orders in the Russian Empire's Orthodox Christian Department]. Vol. 1. 1721. Vol. 2. 1722. Vol. 3. 1723.

PSZ [Complete Collection of the Laws of the Russian Empire]. Vol. 6. 1720–1722.

RGLA [Russian State Historical Archive]. Stock 796. List 3. Dos. 926; List 4. Dos. 402, 440.

Verkhovskoi, P. V. (1916). *Uchrezhdenie Dukhovnoi kollegii i Dukhovnyi reglament. K voprosu ob otnoshenii Tserkvi i gosudarstva v Rossii v 2 t.* [The Establishment of the Ecclesiastic Collegium and Ecclesiastic Regulation. The Question of Church and State Relations in Russia. 2 Vols.]. Rostov-na-Donu, Tipografiya M. I. Guzman. Vol. 2. Materialy. 104 p.

The article was submitted on 29.04.2018